

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Давид
Фонкинос

ДВЕ СЕСТРЫ

*Новый роман знаменитого французского
писателя, чьи книги переведены
на сорок языков!*

Давид Фонкинос
Две сестры
Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51775515

Две сестры:

ISBN 978-5-389-18190-8

Аннотация

«Две сестры», новый роман Давида Фонкиноса, любимца французских читателей и критиков, можно было бы назвать «Нелюбовь», если бы Андрей Звягинцев уже не застолбил это слово в своем фильме. Любовная катастрофа, постигшая Матильду, учительницу литературы, накануне свадьбы, отбрасывает тень на ее жизнь, волшебная сказка взаимной любви оборачивается одиночеством, заставляет рвать жизненные связи, влечет разочарование в любимой работе. Агата вместе с мужем пытается помочь сестре и предлагает ей поселиться у них. Но удастся ли им рассеять мрак, прочно поселившийся в душе Матильды?..

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	7
3	9
4	11
5	12
6	14
7	16
8	18
9	21
10	23
11	24
12	25
13	26
14	28
15	29
16	31
17	32
18	35
19	37
20	38
21	40
22	43

23	47
24	52
25	55
26	58
27	59
28	61
29	66
30	67
31	68
32	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Давид Фонкинос

Две сестры

© И. Я. Волевич, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

1

Сперва Матильда заметила всего лишь странную легкую тень на лице Этьена. Так и началась эта история – почти незаметно; увы, это свойство всех трагедий, не правда ли?!

2

Если бы Матильду попросили определить эту *странность*, она назвала бы ее облачком, даже не осознавая, что именно хочет этим сказать. На свете такое множество разных облаков, что поневоле задумаешься. Какое же из них омрачило лицо Этьена и что оно предвещало – обыкновенную хандру или яростную грозу? Наверно, лучше уж спросить напрямую:

– Все в порядке, любимый?

– Нет, мне что-то не по себе *в настоящий момент*.

Матильда знала Этьена уже пять лет и все эти годы безумно любила его. Но никогда еще не слышала, чтобы он говорил о каком-то недомогании так холодно, так бесстрастно. Она растерянно замолчала – ведь ее вопрос был задан тем легким тоном, каким обычно у людей спрашивают «как дела?», почти не ожидая ответа. Однако сейчас за этим мрачным выражением лица явно крылось что-то серьезное. Вот уже несколько дней Этьен выглядел каким-то отстраненным, потерянным. Она знала, что его угнетает работа, что новый начальник беспардонно прессует его, но дело было не в этом: он давно уже смирился с жесткими нравами, царившими в его профессиональной среде, с трудными ситуациями и никогда не омрачал их совместную жизнь жалобами на все это, возвращаясь вечером домой. Матильду всегда восхища-

ла эта невероятная способность *разделять личное и общественное*. Да, такое выражение идеально подходило Этьенну: он обожал делить свою жизнь на *сегменты*. И Матильда впервые задалась вопросом: а какое место в этой жизни занимает она сама и в каком сегменте? Ее мучило неясное дурное предчувствие: казалось, будто она отброшена туда, где нет места эмоциям, – нечто вроде мертвой зоны, сулившей отторжение.

Большую часть вечера Этьен молчал, явно не желая объяснять причину. Это была настоящая пытка для Матильды. Тщетно она убеждала себя, что должна уважать его чувства, ведь и ей, думала девушка, тоже случалось плохо себя чувствовать, и у нее бывали минуты упадка, когда не хватало сил разговаривать. Впрочем, эта черта характера была свойственна им обоим: молчание помогало залечить душевные раны.

Что ж, значит, нужно взять себя в руки и оставить Этьена в покое – пускай посидит один, переживая то, что его мучит или раздражает, – а самой притвориться беззаботной. И сделать все возможное, чтобы он прочел в ее глазах: «Если я тебе нужна, то я здесь, рядом». Однако Этьен молча погасил свет в спальне. Правда, при этом все же провел ладонью по спине Матильды, перед тем как отвернуться от нее. Этот жест показался ей холодным, чтобы не сказать безразличным. Она хотела включить свет, сказать ему, что не сможет спокойно заснуть после такого вечера, но тут же поняла, что не в силах вымолвить ни слова. И, в утешение, решила перебрать воспоминания об их совместной жизни. Прежде всего она мысленно обратилась к эпизодам последнего лета. Они тогда провели в Хорватии две недели, из них несколько дней на почти необитаемом острове. И вот в самом сердце

этого затерянного рая наконец заговорили о свадьбе. Этьен почувствовал, что созрел для того, чтобы завести детей. В те дни их любовь была такой прекрасной, такой бурной, – казалось, у них впереди целая вечность.

На следующее утро Этьен не стал разговорчивей. Он отправился на работу чуть раньше обычного и, выходя из квартиры, опять провел рукой по спине Матильды. И вновь этот жест выглядел чисто машинальным, ей даже почудилось, что в нем сквозила какая-то жалость. Она ответила Этьену улыбкой, которая, как она надеялась, выглядела сияющей, но он уже отвернулся. Матильда осталась одна; ей хотелось закурить, но сигарет в доме не нашлось. С минуту она постояла в кухне, оглядывая стол, за которым они завтракали: сегодня она его накрыла особенно заботливо, постаравшись чуть-чуть украсить, в надежде, что это поможет разрядить обстановку. Увы, Этьен ничего не заметил, даже не обратил внимания на лепестки роз возле чашек. А ведь стремление всегда быть позитивной, доброжелательной вполне отвечало характеру Матильды; как часто Этьен просыпался утром с радостным сознанием, что разделяет свою жизнь с такой женщиной.

Матильда никогда не опаздывала в лицей; она пользовалась репутацией добросовестного преподавателя, любящего своих учеников *как родных детей*. Именно так отозвался о ней кто-то из родителей на одном из классных собраний. Как всегда, она точно вовремя подъехала к лицейю, находившемуся в парижском предместье. И немного посидела в машине, желая совладать с мучившим ее смятением, перед тем как окунуться в общественную жизнь. Но тщетно: ей не давали покоя слова Этьена – всего-то короткая фраза, однако и та приняла в ее сознании размеры русского романа. Матильда посмотрелась в зеркальце заднего вида; как ни странно, она не сразу узнала себя.

Наконец она вышла из машины и тут же, на стоянке, столкнулась с директором, господином Бертье. Это был долговязый, худющий человек, похожий на тех мужчин в котелке, что падают с небес на картинах Магритта¹. Он особенно ценил Матильду как преподавателя и сделал все, чтобы удержать ее в конце прошлого учебного года, когда ей предложили работу в одном частном парижском лицее; в конеч-

¹ Рене Магритт (1898–1967) – бельгийский художник, известность которому принесли его сюрреалистические картины, полные загадок. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

ном счете Матильда отказалась от этого предложения, хотя оно было очень выгодным. Отказалась из верности своему лицу, из привязанности к ученикам и еще, несомненно, потому, что высоко ценила хорошее отношение человека, которого встретила сейчас на стоянке. Однако сейчас, когда он поздоровался, она сделала вид, будто что-то забыла в машине, и вернулась назад, лишь бы не пройти рядом с ним несколько метров до входа. У нее не было сил вести этот первый утренний разговор.

6

Подойдя к двери своего класса, Матильда почувствовала, что теперь уже в состоянии справиться со своей тоской; впрочем, тоска – это, может быть, слишком сильно сказано, вернее было бы назвать ее беспокойством.

Перед уроком она перекинулась несколькими словами с Матео, чьи успехи значительно поблекли со времени развода его родителей. Она всегда была готова его ободрить, а иногда даже немного задерживалась по вечерам в классе, чтобы помочь ему проникнуть в суть литературных произведений. И похоже, ее старания принесли пользу: за последние дни мальчик явно продвинулся. Может быть, судьба Матео изменится благодаря поддержке Матильды, – впрочем, сейчас было еще рано об этом судить.

Нынешнее занятие было посвящено анализу отрывка из «Воспитания чувств»². Каждый год Матильда с удовольствием передавала ученикам свою страстную любовь к этому роману; по ее мнению, это было самое прекрасное произведение Флобера. Она хорошо помнила, как сама изучала его в лицее и как это повлияло на ее последующую жизнь: с тех

² «Воспитание чувств» – роман писателя Гюстава Флобера (1821–1880), одного из крупнейших европейских прозаиков-реалистов XIX века.

пор она не могла жить без литературы. Так и родилось ее призвание. Сегодня она начала чтение с того места, где Фредерик Моро впервые встречает мадам Арну; это момент зарождения его страсти. Вот как Флобер описывает экстаз молодого человека: «И словно видение предстало ему»³. Однако, произнося эту фразу, Матильда невольно оговорилась и произнесла: «И словно привидение...»

³ Здесь и далее роман Флобера цитируется по переводу А. Федорова.

Начался обеденный перерыв, и Матильда включила телефон. Она намеренно не пользовалась им на предыдущих переменах, – это увеличивало шансы на получение эсэмэски. Подождала немного – иногда в стенах лицея плохо ловились сообщения, – но экран был пуст. И эта пустота причинила ей жгучую боль⁴.

Сабина – коллега, к которой Матильда относилась лучше, чем к другим, хотя их нельзя было назвать близкими подругами, – ждала ее в коридоре, чтобы вместе пойти в столовую. Они часто обедали вдвоем – коллегам было о чем поговорить. Но нынче Матильда махнула ей рукой, что могло означать: «Не жди меня». Или: «Приду попозже». Или: «Я сегодня не голодна». Да и кто знает точно, о чем говорит такой жест?! Сабина поняла главное: ей придется идти в столовую одной.

Матильда вышла в коридор и с минуту простояла там, устремив взгляд на экран мобильного. Ее терзала острая обида на Этьена: почему он подвергает ее этой пытке молчанием? Обычно они перезванивались или переписывались несколько раз на дню, особенно после какой-нибудь раз-

⁴ *Вполне современная пытка (здесь и далее комментарии курсивом принадлежат автору).*

молвки. Она отнеслась с уважением к его подавленности, но рано или поздно он должен был, из любви или хотя бы из простой вежливости, объяснить, что происходит, а не держать ее в неведении. Матильда ужасно сердилась на Этьена и, однако, буквально через минуту сменила гнев на милость и написала: «Любимый, я все время думаю о тебе. Надеюсь, тебе сегодня полегчало. Не забывай, что я всегда с тобой. Жду не дождусь, когда увижу тебя вечером». Во второй половине дня она включала мобильник на каждой перемене, – увы, ответа не было, все та же пытка молчанием.

Тем же вечером он наконец облек в слова то, что его мучило. И нервно, отрывисто бросил: «Я покидаю квартиру». Матильда не сразу его поняла. Это прозвучало как-то дико, нелепо. Почему не сказать просто: «Я тебя покидаю»? А он вместо этого заговорил о квартире, словно хотел сделать более приземленной ситуацию, которую не решался назвать своими словами. Разрыв всегда знаменуется такими вот недомолвками, а еще чаще обманом, лишь бы не ранить партнера. И Матильде пришлось самой толкнуть его на откровенность, чтобы добиться правды, чтобы услышать свой смертный приговор:

– Что это значит? Ты хочешь, чтобы мы жили в разных местах?

– Нет... не совсем так...

– Тогда что же? Этьен, прошу тебя, скажи мне правду!

– Это... очень трудно.

– Ты все можешь мне сказать.

– Не думаю.

– Нет, можешь!

– В общем, я от тебя ухожу. Между нами все кончено.

Матильда ужаснулась. У нее не хватило сил – по крайней мере, в первое мгновение – хоть что-нибудь произнести в ответ. Этьен подошел к ней и провел ладонью по ее спине –

опять этот проклятый жест! – но теперь она поняла, что он означал: он означал жалость. Она яростно оттолкнула его, задыхаясь и твердя:

– Это невозможно... Это невозможно... Это невозможно...

– Мне очень жаль.

– Но ведь еще летом... мы говорили о... ты хотел, чтобы мы поженились!

– Знаю.

– Так что же случилось?

– Ничего. Просто я так чувствую. Вот и все.

– Но разве можно вот так, вдруг, взять и разлюбить?! Такого не бывает!

– ...

– Я умоляю тебя, дай мне еще шанс!

– Нет, решение принято. Я проживу у своего кузена, пока не сниму квартиру. А ты можешь остаться здесь.

– Остаться здесь?! Остаться здесь?! – закричала наконец Матильда. – Да разве это возможно? Ты же здесь повсюду! Повсюду! Повсюду! Я умру здесь, если ты уйдешь! Ты думаешь, я смогу спать в нашей постели без тебя? Ты в это веришь?

– Я... не знаю. Просто не хочу создавать тебе сложности, вот и все.

– Ах, вот как?! Ты, оказывается, заботишься о моих чувствах! Да неужели? Тогда говори, объясни мне!

– Ты здесь ни при чем...

– О, нет, избавь меня от этих чертовых пошлостей! Только не это!

И она упала на диван, корчась от муки. Этьен в ужасе застыл, глядя на нее: искаженное, страдальческое лицо Матильды сейчас выглядело почти нечеловеческим. Он шагнул было к ней, и она снова оттолкнула его, но силы оставили ее, тело уже не подчинялось воле, словно его парализовало. Прошла минута, а может, чуть больше – в таких случаях трудно определить время, – и она приказала Этьену уйти, уйти сейчас же, одержимо твердя эту мрачную монотонную мольбу: «Да уйди, уйди сейчас же!» Этьен боялся оставлять Матильду в таком состоянии, но ее яростный взгляд был неумолим. В последний раз он посмотрел ей прямо в глаза и наконец, решившись, покинул квартиру.

Спустя несколько минут Матильда вдруг осознала, что осталась одна, и послала Этьену эсэмэску: «Умоляю, не делай этого, я умру».

Позже, уже к вечеру, Матильда, все еще лежавшая без сил на диване, подумала: «Никто не должен знать». Такова была ее странная логика: «Если никто не узнает, значит этого не было». Она вспомнила о лицее. Даже речи быть не может, чтобы рассказать о случившемся Сабине или другим коллегам. Все знали, что Этьен практически сделал ей предложение в Хорватии прошлым летом и, значит, они должны были пожениться. Всю ночь напролет она посылала ему эсэм-эски, то с просьбами объясниться, то с мольбами о возвращении. Но все они остались без ответа. Матильде хотелось выброситься в окно.

Около полуночи она вышла на улицу, в бар, выпить вина. Могла ли она представить себе, что когда-нибудь с ней стряется такое и она испытает это неотвязное желание – напиться, лишь бы приглушить невыносимую боль?! С ней заговорил какой-то мужчина, и она подумала: наверно, я могу с ним переспать, раз я теперь одинока. Ну или не переспать, а хотя бы позволить себе какую-нибудь вольность, кроме разве что самой последней мерзости, бегства или смерти. В конце концов Матильда вернулась домой – хмель не помог ее горю. Острая душевная боль передавалась и телу. Но самое страшное было впереди – беспощадное осознание своего несча-

СТЯ.

10

Утро пришло как продолжение ночи – более того, окрашенное в цвет *той* ночи.

Матильда долго стояла под душем, словно можно было, обливаясь водой и яростно отдраивая тело намыленной губкой, стереть то, что на нее свалилось. Потом внезапно решила выбросить на помойку вчерашнюю одежду. Она больше не хотела видеть платье, которое было на ней в тот день, когда ее бросил Этьен. И сделала это – механическими, почти безжалостными движениями, как воительница, которой предстоит бой. Только этот бой ей предстояло вести в одиночку: противника перед ней не было, она сражалась с армией теней.

Выйдя из машины на стоянке лица, она столкнулась с директором. Как, впрочем, каждое утро. Вокруг одной разрушенной жизни все остается неизменным: этот вечный балет не подчиняется личной трагедии. Господин Бертъе выглядел ровно так же, как всегда, и с той же улыбкой изрекал все те же приятные банальности. Матильда разыграла привычный спектакль: «Да, все прекрасно, а у вас?» И тут поняла, насколько легко быть не самой собой, – а ведь ей казалось, что все окружающие сразу заметят отчаяние по ее лицу. Но она ошиблась: Бертъе, как и все другие фигуранты ее рабочего дня, не увидел ничего особенного. И это только усугубило горе Матильды. Разумеется, она не хотела демонстрировать свое горе, но этот всеобщий маскарад заставит ее понять горькую истину: что бы с нами ни случилось, мы безнадежно одиноки.

Как всегда, у двери класса ее поджидал Матео. Он протянул ей пакет.

– Это мне? – спросила Матильда, хотя и без того все было ясно.

– Да, вам, – мои родители хотели вас отблагодарить.

– За что?

– За все, что вы сделали для меня.

– Да я ничего особенного не сделала.

– Не говорите так, мадам. Вы меня поддерживали, были так добры ко мне.

– ...

– Вы не хотите посмотреть наш подарок?

– Хорошо...

Матильда осторожно надорвала бумажную упаковку, словно боялась ее повредить. И обнаружила внутри позолоченную рамку.

– Надеюсь, она вам понравится. Я ее выбрал вчера, вместе с матерью. Вы можете вставить в нее любую фотографию, какую захотите.

– ...

– Вам нравится?

– Да. Спасибо, Матео. Я очень тронута... – сказала Матильда, чувствуя, как в ней поднимается волнение.

Она смотрела на пустую рамку и внезапно осознала все символическое значение этой пустоты. Вот она – ее новая жизнь. Рамка, а внутри – пустота. Такова жестокая ирония судьбы. И она разрыдалась; слезы, сдерживаемые со вчерашнего вечера, ручьями хлынули у нее из глаз. Вчера, в состоянии шока, они остались сухими, зато теперь, при виде этого безобидного подарка, вся ее боль выплеснулась наружу. Потрясенный Матео наконец пролепетал: «Но это же... всего лишь рамка...» Матильда поблагодарила его, пытаясь справиться с эмоциями. Однако ее лицо, залитое горькими, неудержимыми слезами, казалось, не желает подчиняться ее воле.

Через несколько минут она все же вошла в класс, под удивленными взглядами учеников. Одна из девушек шепнула соседке: «Она, наверно, беременна. Моя мать тоже, когда носила мою сестру, все время плакала, из-за любого пустяка».

Тем не менее Флобер одержал верх, и в конечном счете школьный день прошел как обычно, без всяких бурных проявлений чувств.

Вечером Матильда легла спать на диване в гостиной – ночевать в *их* спальне было немыслимо. За весь день она не съела ни крошки. И по-прежнему не было никаких сообщений от Этьена. Хуже того, ей написали некоторые из близких людей. Значит, он всех их поставил в известность. И возможно, даже попросил кое-кого сообщать ему новости о своей жертве. Это уже была запредельная жестокость. Сестра Этьена прислала ей такое сообщение: «Брат мне все рассказал. Очень сожалею. Если тебе понадобится помощь, я всегда к твоим услугам. В наших отношениях это ничего не меняет...» Но, разумеется, это меняло все. Теперь Матильда ни за что не потерпит рядом с собой присутствия кого бы то ни было, напоминающего ей об Этьене. Увы, за пять лет их совместной жизни он успел заразить собой все ее окружение. Значит, она больше не сможет видаться ни с кем из своих друзей и потеряет гораздо больше, чем человек, которого любила, – потеряет всю свою прежнюю жизнь. Впервые Матильда ощутила приступ ненависти. Желание найти виновных в своей потере. Ее то и дело захлестывало необъяснимое бешенство, потом она успокаивалась, но вскоре все начиналось сначала, и так она непрерывно металась между гневом и растерянностью. Это истощало все ее силы, но она никак не могла заснуть, словно ее приговорили к хладнокровному

наблюдению за собственной гибелью.

Если бы ее мать была жива, она могла бы, по крайней мере, выплакаться в ее объятиях.

Матильда часто вспоминала ту ночь 12 октября 2002 года. Это произошло за две недели до ее дня рождения. Ей должно было исполниться четырнадцать. Странное дело: несмотря на поздний час, она никак не могла заснуть. Возможно, ей мешало шумное дыхание сестры, спавшей на верхней кровати. Агате уже исполнилось пятнадцать, но разница в возрасте девочек была настолько маленькой, что посторонние затруднялись определить, которая из них старше. Они вполне могли сойти за близняшек.

И вот именно тогда Матильда вдруг услышала вопль матери. Такой пронзительный, что хотелось поскорей заткнуть уши. Девочка соскочила с кровати, но перед дверью остановилась. Что, если кто-то чужой проник в квартиру и мать хотела криком предупредить дочерей? Матильда подумала: может, придвинуть к двери комод? В то время она обожала смотреть по телевизору хронику разных событий, – вероятно, именно это и навело ее на такую мрачную мысль. Но ситуация была совсем иной. После раздавшегося крика в квартире вновь воцарилась тишина. Никакого шума, – значит, мать там одна. Наконец Матильда услышала какой-то слабый звук, похожий на протяжное хрипение, – он доносился из спальни родителей. Она решила и вышла в коридор

медленным шагом, словно боялась того, что предстоит увидеть. В ушах все еще звучал тот безумный крик, рождавший самые разные предположения. Открыв дверь спальни, девочка увидела мать, лежащую на полу, она прерывисто стонала, ее лицо было залито слезами. В руке она все еще держала телефонную трубку. Этот образ отчаяния навсегда запечатлелся в памяти Матильды и мучил ее до сих пор.

Прошло несколько минут, и кто-то позвонил в дверь. Это была сестра мамы, примчавшаяся на помощь. Мать после телефонного звонка из полиции о гибели мужа в автомобильной аварии сразу же позвонила сестре, это была чисто инстинктивная реакция: она не нуждалась в утешениях, – просто поняла, что нужно поручить кому-то дочерей. Тетка сказала, что Матильде лучше пойти к себе в комнату; девочке это показалось странным, она не хотела оставлять мать в таком состоянии, но все же подчинилась. В ту минуту собственное горе – горе дочери, лишившейся отца, – еще словно не настигло Матильду. Она не очень-то и сознавала, что такое смерть, – по правде говоря, это казалось ей просто невозможным. Смерть... она воспринимала ее как некую информацию, а не что-то конкретное, – вот так люди выслушивают сообщение об авиакатастрофе или землетрясении на другом конце планеты, не представляя себе реальное число жертв. И Матильда смутно надеялась, что отец все-таки приедет к утру и будет завтракать вместе с семьей.

Девочка вернулась к себе и только тут начала осознавать весь ужас случившегося. Она долго глядела на лицо сестры – безмятежное лицо крепко спящего человека: счастливая, она все еще пребывала в том мире, которого уже не стало. Смерть отца вышвырнет их обеих в другое детство, в другую жизнь. И Матильда хотела, чтобы сестра спала еще долго-долго: пускай сон избавит ее, сколько сможет, от жестокой реальности. Этот порыв милосердия, вообще-то, не отражал реального характера их отношений. Сестры частенько ссорились, – в таком возрасте родственные отношения подобны американским горкам. Матильда провела ночь, слыша рыдания матери и видя безмятежное лицо сестры.

После похорон мать впала в тяжелую депрессию. Девочек взяла к себе тетка, на что они согласились довольно неохотно. После смерти отца они восприняли это как новую горе. Однако было ясно, что мать совершенно не способна обеспечить им нормальную повседневную жизнь. «Ей нужно побыть одной, чтобы прийти в себя» – так считалось в те времена. Но было и еще одно обстоятельство, неизвестное посторонним и жестоко терзавшее ее. Последний разговор с мужем – мужчиной ее жизни, отцом их дочерей – вылился в ссору. Притом из-за сущего пустяка, ничего важного, но теперь ее неотступно преследовала мысль, что после этой размовки они расстались навсегда. Вполне возможно даже, думала она, что ссора повлияла на настроение мужа, когда он сел за руль. А впрочем, нет, на это не указывали никакие конкретные факты, чувство вины завело ее слишком далеко. Ведь виновником аварии был не он. Но тем сильнее ее мучила горечь потери, чтобы не сказать отвращение к себе. Ей хотелось в последний раз высказать мужу свою любовь... увы, теперь это было невозможно, судьба безжалостно обрекла ее на вечную роковую недосказанность.

Однако ради дочерей нужно было взять себя в руки. Сократить срок траура. И через несколько недель Агата с Матильдой вернулись домой, но там все уже было по-другому.

Попытки внести хоть немного жизни в их *новое* трио выглядели слишком ненатуральными, отдавали притворством. Девочки стремились только к одному – облегчить маме ее горе. Отказались от прежних капризов, не высказывали никаких желаний, были послушны – тише воды ниже травы. Атмосфера в доме была очень странной. По вечерам мать постоянно устраивала просмотры всех прижизненных фотографий покойного отца. О нем полагалось говорить в настоящем времени. Эти ретроспективы часто принимали совсем уж мрачный характер. И девочки инстинктивно тянулись друг к дружке – им казалось, что этот союз поможет сохранению семьи. Они решили никогда не расставаться – словно гибель отца сплотила оставшихся в живых, напоминая о том, как тесно связаны их судьбы.

Но вскоре все приняло совсем иной оборот.

19

Через несколько месяцев мать ощутила боль в груди, и вскоре ее унес рак.

После страшных потерь – смерти отца, а затем и матери – Матильда лучше, чем кто-либо, сознавала, что счастье может в один миг разлететься вдребезги. И безжалостное решение Этьена стало всего лишь следующим испытанием после того, что ей уже довелось пережить.

Перебирая последние эпизоды их счастливой совместной жизни, Матильда то и дело обнаруживала предвестия того, что произошло. И поняла, что была слепа: только теперь она осознала, как сильно изменился Этьен за последние недели. Они оба много работали, и она просто утешала себя тем, что повседневная жизнь не всегда может быть такой, какую они вели в отпуске, под августовским солнцем. Воспоминание о счастливых днях в Хорватии иногда вызывало у нее ностальгию, но она была убеждена, что им еще предстоит разделить много других, таких же радостных событий.

И Матильду охватило чувство вины перед Этьеном; она написала ему об этом в нескольких сообщениях: «Прости меня, я не сразу поняла, что ты чувствовал, что ты переживал...» Она не могла смириться с тем, что между ними

все кончено, и пыталась переписать историю их любви под иным углом, – увы, когда любовной истории приходит конец, уже ничего не изменишь. Этьен не ответил ни на одно из этих посланий – не из жестокости, а просто считая, что для них обоих будет лучше раз и навсегда отказаться от переписки и попыток истолкования разрыва. Но, несмотря на молчание Этьена, Матильда продолжала уповать на его возвращение: он, конечно, осознает свою ошибку, ведь они не могли жить друг без друга! Отрыв от реальности, даже само это ослепление помогли Матильде жить дальше, как-то держаться. Каждый день она проводила долгие часы в лицее, разъясняя ученикам тексты, анализируя замысел писателей, но при этом ей никак не удавалось подобрать ключи к ситуации, в которую попала сама. Тогда как в романах все выглядело простым и понятным!⁵

⁵ *«Мне, наверно, следовало бы жить в романе», – как-то раз подумала она.*

Примерно такими были любовные похождения Сабины. Та обожала рассказывать о себе, и Матильду это вполне устраивало – после недавнего события она совершенно утратила способность поддерживать разговор. Сегодня Сабина распространялась не о своих преподавательских успехах, а о любовных. Она провела ночь с мужчиной, с которым незадолго до этого познакомилась в «Тиндере»⁶. «В переписке он выглядел таким раскованным... Но, знаешь, когда мы встретились, я увидела, что он жутко закомплексован, – я даже усомнилась, он ли писал мне эти послания. К счастью, скоро он расслабился, мы как следует поддали, и дело пошло на лад, вечер удался. Обычно я жду второй встречи, чтобы переспать с мужиком, ты же знаешь. Но он был довольно-таки хорош собой, и я не устояла. Пригласила его к себе. И мы сразу занялись любовью. Вполне успешно, хотя я ожидала большего. Он был не очень-то внимателен ко мне – ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Покончив с делом, сразу же закурил сигарету. В такие моменты всегда возникает неловкость, когда нечего друг другу сказать. Но мне хотелось, что-

⁶ «Тиндер» (*англ.* Tinder) – модное мобильное приложение для смартфонов, позволяющее знакомиться с людьми, находящимися в пределах досягаемости. Программа определяет ваши координаты по GPS и показывает пользователей в заданном вами радиусе. Иногда «Тиндер» называют «виртуальной свахой».

бы он заговорил первым. Это вопрос принципа. И вот минут через пять он наконец-то открыл рот. И знаешь, что он сказал? Что ему пора домой! Ну и слава богу, меня это вполне устраивало, я, вообще-то, предпочитаю спать одна. Вот только я не решалась спросить про следующую встречу. И тут он мне знаешь что заявляет? Что он женат – вот прямо так, на голубом глазу!.. Эй, ты меня слушаешь?

– Да-да.

– Так вот: он пробормотал две-три банальности, а потом выдал – держись, не падай! – «Я предпочитаю сказать тебе правду, потому что провел с тобой шикарный вечер. Ты просто потрясающая девушка, и вот я подумал, что лучше быть с тобой честным. Я должен вернуться домой, к жене». Ну, ты меня знаешь, я за словом в карман не полезу, но тут я просто онемела. А он напялил труселя, натянул носки и отбыл. То есть все, что он мне наплел о своей работе, о своих увлечениях и прочих событиях своей жизни, все это была чистая туфта. Я потом всю ночь не спала, представляешь? И решила, что всё, пора кончать со случайными связями. Пропади они пропадом – все эти сайты знакомств; лучше умереть старой девой.

– Не говори так... я уверена, что ты встретишь порядочного человека.

– Ага, тебе легко говорить. Ты-то купаешься в счастье.

Весь остаток дня Матильда раздумывала над этим выра-

жением – *купаться в счастье*. А что же происходит, когда достигаешь берега?

Молчание Этьена безумно тяготило ее. Она писала ему, что нужно поговорить. Он не отвечал. В некоторые дни это молчание становилось сущей пыткой. Матильда дошла до того, что на переменах запиралась в учительском туалете, чтобы выплакаться. Общие друзья продолжали писать ей, но всякий раз, когда они спрашивали, как дела, она чувствовала себя еще более жалкой. Они предлагали встретиться – она уклонялась под тем предлогом, что завалена работой. Наконец ей все же пришлось принять Бенуа, одного из самых близких друзей Этьена. Вероятно, он явился со специальной миссией, как посланец палача, как мастер по гарантийному обслуживанию товара – в данном случае их разрыва. И конечно, потом все доложит Этьену. Как же ей выглядеть перед ним? Убитой – чтобы вызвать жалость Этьена и заставить его вернуться? Или, наоборот, сияющей и счастливой, чтобы заставить его пожалеть об уходе? Матильда не обманывала себя: может, он и придет повидаться пару раз, а потом они будут обмениваться эсэмэсками и, вполне вероятно, скоро потеряют друг друга из виду. Но она ошиблась в главном: Бенуа вовсе не был посланцем Этьена, ему просто хотелось узнать, как у нее дела. Он всегда хорошо относился к ней и очень тепло принял, когда она появилась в кругу друзей Этьена.

Он позвонил в дверь, и Матильда несколько мгновений рассматривала его в глазок. Бенуа выглядел слегка подавленным, как человек, который навещает больного, чье состояние внушает тревогу. В руке у него был сверток. У Матильды мелькнула мысль: «Если это шоколадный набор, значит он думает, что я в полной депрессии». Наконец она открыла, Бенуа широко улыбнулся и с порога объявил: «Я принес тебе шоколадные конфеты!»

Несколько минут спустя они сидели в гостиной за столом, пили чай и болтали о пустяках. Но в их оживленной беседе сквозило взаимное напряжение. Обсудив политическую обстановку и новости культуры, они перешли к проблемам на работе. Больше всего их страшило молчание, грозившее стать той роковой трещиной, которая поглотила бы их обоих, ибо на дне этой пропасти им неизбежно пришлось бы заговорить об Этьене. И однако, оба понимали, что именно эта тема была целью визита Бенуа, а все остальное – всего лишь длинная невнятная прелюдия. Впрочем, несмотря ни на что, Матильде было приятно общаться с Бенуа, недаром же он обладал и эрудицией, и обаянием. Она даже находила его вполне деликатным... вплоть до того момента, когда он произнес фразу: «Знаешь, он тоже очень переживает».

Вот этого она слышать не могла. Именно Этьен обрек ее

на этот кошмар, именно на нем лежала вся ответственность за случившееся, – что ж, возможно, он и впрямь время от времени переживал *тяжелые* моменты, чувствовал себя виноватым в том, что бросил ее без всякого повода. Но Матильда убедила себя, что монополия на истинное горе принадлежит ей одной.

– Он и вправду очень тебя любил, – продолжал Бенуа.

– Настоящая любовь не может кончиться вот так, вдруг.

– Да, но человек не властен над некоторыми вещами.

– Над чем это он не властен?

– ...

– Ну, говори же!

– Да так, ни над чем.

– У тебя какое-то странное лицо. Ты хочешь сообщить мне что-то, чего я не знаю?

– Н-н-нет...

– Бенуа, не мучь меня.

– Ну... я думал, что он тебе сказал.

– Да ничего он не сказал! И с этим «ничего» я живу уже несколько недель.

– Я...

– Ну же!

– Это было сильнее его.

– Что именно?

– Когда он ее снова увидел...

– Кого «ее»?

– Да ты и сама знаешь.

– ...

Ах, вот оно в чем дело.

Ирис вернулась.

Матильду словно громом поразило; Бенуа уже горько пожалел, что проговорился. Он пришел к ней с коробкой конфет, это был просто визит вежливости, даже дружбы, который вдруг обернулся катастрофой. Как будто он взорвал бомбу в этой гостиной, – да, именно так, он это ощущал. Однако Матильда попыталась овладеть собой, не выдать своих истинных чувств. Помолчав, она сказала, что слишком заработалась в последнее время и очень утомлена, – таким образом ей хотелось преодолеть свое отчаяние. Бенуа все понял, и они распрощались, условившись вскоре повидаться снова, чего, конечно, не собирались делать. Наконец он покинул квартиру.

И спасибо за конфеты!

Ирис

Оставшись одна, Матильда начала исписывать страницу за страницей этим проклятым именем, словно зловещим заклинанием. Почему, ну почему Этьен ни разу, ни словом не обмолвился о *той*? Она тут же написала ему, требуя объяснений. Он ответил только через несколько часов (наверняка в это время трахался с ней! – подумала Матильда), объяснив, что просто не отважился сказать ей правду. Эту жестокую правду. Непоправимую. Любовное уравнение, в котором была одна жертва – она. Ирис вернулась после пятилетнего

пробытия в Австралии и заняла ее место. Как ни в чем не бывало. Как будто Матильды и вовсе не было на свете. Как будто она послужила лишь временной заместительницей. И вот теперь вся жизнь насмарку. Воспоминания, планы на будущее (при мысли об их разговоре в Хорватии, о планах на близкую свадьбу Матильда просто сходила с ума), веселые споры, невинные размолвки – все это было лишь бледным подобием, черновиком жизни, в ожидании другой – с настоящей возлюбленной.

Эта новая жестокость окончательно добила Матильду. До сих пор она еще могла утешаться тем, что на ее долю выпала подлинная история любви, которая плохо закончилась, как и все любовные истории. Да, это ужасно, но такова жизнь. Однако высшая точка их отношений была пройдена с болью, с беспощадным сознанием того, что она – всего лишь временная замена в сердце мужчины. Мужчины, который был для нее всем. Какое страшное унижение! Хотя, по правде говоря, Ирис никогда не переставала ее тревожить. Она ведь не с неба упала, она упала из прошлого. И в начале их романа незримо, но постоянно присутствовала рядом. Матильда ясно чувствовала, что этот печальный призрак витает над их зарождавшейся любовью, иногда окрашивая ее легкой меланхолией. А в действительности все было еще сложнее: Матильду растрогало горе молодого человека, страдавшего от разрыва с любимой. Она прочитала слишком много англий-

ских романов девятнадцатого века и глубоко прониклась их сентиментальностью, неотделимой от страдания.

Со временем их отношения упрочились. Разумеется, теперь уже не стоило и вспоминать о той, прошлой истории, когда Этьен был безумно влюблен в Ирис. Любовь всегда должна начинаться с нуля. Но Матильда не забывала о той женщине, ей хотелось побольше разузнать о ней:

– Расскажи мне, что между вами произошло?

– Ты действительно хочешь это услышать?

– Да... мне кажется, да... – отвечала она, ее подстегивал тот странный мазохизм, который иногда побуждает человека наслаждаться причиняемой ему болью. Матильда хотела знать, какой была прошлая любовь Этьена, чувство, открывавшее мучительную, но очевидную истину: прежде он любил гораздо более страстно.

Вот какова была эта история: после двух лет бурного романа Ирис неожиданно уехала, объявив, что хочет изменить свою жизнь: в Париже она не добилась профессионального успеха и не видит никаких перспектив в будущем. Она и раньше нередко говорила, что когда-нибудь уедет в Австралию. На несколько месяцев или на несколько лет, все равно. Уедет куда глаза глядят, откроет для себя новые горизонты – в общем, ничего оригинального. В те времена слова «уехать в Австралию» были расхожим слоганом для любо-

го двадцатилетнего европейца⁷. Встреча с Этьеном помешала осуществлению этого замысла, но, несмотря на любовь к нему, Ирис постоянно мучила мысль, что их роман противоречит ее жизненной установке. И тогда она решила уехать. Однако Этьен распознал ее намерения. Так что лучше было разом оборвать отношения. «Умоляю... не уезжай!» – заклинал он. Ему хотелось добавить: «Мы ведь так счастливы», но пришлось смириться с очевидным: женщина, готовая уехать на край света, не может быть вполне счастлива рядом с тобой. Этьен пытался понять доводы Ирис, ее жажду «реализоваться, стать независимой», но ему невыносимо больно было сознавать, что она так легко растоптала их любовь. В конечном счете Этьен подумал: некоторые истории любви умирают оттого, что начались слишком рано; Ирис очень молода, она еще не успела узнать жизнь. Это тяжким грузом легло ему на сердце. У него не было сил бороться. И она покинула его, растерянного, убитого этим абсурдным концом их романа.

Она предлагала ему «оставаться на связи», но он в конечном счете предпочел разом порвать с ней все отношения: лучше уж полное отсутствие Ирис, чем случайные разговоры время от времени, подобные блуждающим в пространстве неприкаянным душам. Иногда Этьен находил в «Инстагра-

⁷ Так же, как желание «уехать в Индию» было типичным для сорокалетнего европейца, а «уехать в Швейцарию» – для того, кто достиг шестидесяти лет.

ме» фотографии Ирис, но ему становилось так больно, что он принудил себя к окончательному разрыву, заблокировав ее в социальных сетях на всех страницах. Она сделала то же самое – вот так кончается современная любовь.

За этим последовало несколько коротких любовных интрижек, но каждый раз Этьен с болью ощущал отсутствие Ирис. Все другие женщины напоминали ему одну, только одну женщину – ее. Она была его первой любовью, и он переносил свое чувство тяжело, как пожизненное заключение.

Но прошло какое-то время, и выяснилось, что это не так, что можно «сбросить кандалы». Когда Этьен впервые увидел Матильду, он нашел ее совершенно очаровательной. Прежде он был неспособен ответить на вопрос, какой тип женщин ему нравится: он думал, что у него нет четких критериев. Теоретически любая женщина могла либо приглянуться ему, либо нет. Матильда понравилась Этьену с первого взгляда, более того, он сразу инстинктивно потянулся к ней. Его сердцем все еще владела Ирис, но теперь он впервые почувствовал, что хочет еще раз встретиться с другой девушкой. И конечно, это было взаимно⁸. Матильде показалось, что она всегда знала этого человека.

Ей почудилось, что они встретились не впервые, что он давно жил в ее сердце смутным предчувствием любви.

⁸ *Только теперь Матильда, написавшая статью о Флобере, ясно поняла смысл фразы, повествующей о встрече с любимым человеком: «Мир внезапно расширился».*

Этьен и Матильда оказались рядом на балконе квартиры их общего друга, устроившего вечеринку; как потом выяснилось, они не очень-то хорошо и знали этого общего друга. Скорее это был некий общий знакомый. Один из тех, кто случайно встречается вам в жизни и, сам того не желая, круто изменяет ее.

Такова была сцена, которую оба влюбленных впоследствии непрерывно пересказывали друг другу. Все такие пары, одержимые стремлением облекать свои чувства в слова, обожают напоминать друг другу подробности их первой встречи. Им часто кажется, что она была *волишебным, фантастическим* стечением обстоятельств, тогда как в большинстве случаев все происходило самым что ни на есть банальным образом.

– Ты только вдумайся! Это было чудо... именно чудо... то, что мы оказались на том балконе одновременно!

– Да, просто невероятно.

– И самое удивительное, что мы с тобой оба не курим.

– Да, потрясающе! Просто захотели подышать воздухом.

– Но как же это прекрасно: искали прохлады... а нашли любовь.

– Куда лучше, чем наоборот! Искать любовь... а найти прохладу.

– Ха-ха-ха!

И они дружно смеялись над этой пленительной глупостью любовного лепета.

Матильда сразу поняла, что Этьен подвержен приступам уныния: Ирис все еще стояла на пути к новому счастью, которое протягивало ему руки. Со всей энергией влюбленности она попыталась прогнать эту скорбь, навсегда закрыть призракам прошлого доступ в настоящее. И вскоре достигла цели. Однажды Этьен объявил: «Сам не понимаю, как я мог любить эту ветреную, непостоянную женщину, достойную презрения. Теперь она для меня никто и звать никак!» С прошлым было покончено. По крайней мере, на время.

Несколько месяцев назад Ирис вернулась на родину. И сразу же прислала эсэмэску Этьену. Она не хотела, чтобы он узнал о ее приезде из чужих уст, от общих друзей. Тех самых друзей, у которых они рисковали нечаянно встретиться.

Этьена поразила эта новость. Ирис написала просто: «Я хотела сообщить тебе, что вернулась в Париж. Надеюсь, ты в порядке. Целую, Ирис». Три фразы – и это после пяти лет молчания! Что делать – стереть письмо? Или ответить: «Рад за тебя. С возвращением». Ждет ли она ответа? И главное: хочет ли снова увидеться с ним? Этьен не знал, что делать. Он представил себе банальную встречу в кафе: они вкратце расскажут друг другу о своей жизни за те годы, что провели врозь, и на том их беседа закончится, попав в безнадежный тупик. Все прошло, им больше не о чем говорить. Главное, избежать патетических воспоминаний о разрыве, держаться вежливо, любезно – и это с человеком, который некогда был вам дороже всего на свете, вместе с которым не страшно даже кончить жизнь самоубийством⁹. Нет, возвращаться к прошлому совершенно бессмысленно. И Этьен не ответил

⁹ *Думая об этом, Этьен вспоминал фильм Франсуа Трюффо «Семейный очаг», который они с Ирис обожали: в этом фильме Киоко, японская подруга Антуана Дионеля, говорит ему: «Если я когда-нибудь соберусь покончить жизнь самоубийством, мне очень хотелось бы сделать это вместе с тобой».*

на сообщение.

Прошло несколько недель, и она прислала новую эсэмэску, все в том же непринужденном тоне: «Я понимаю, почему ты не ответил, просто хотела сказать, что была бы рада как-нибудь встретиться и пообедать с тобой. Ирис». Этьен воспринял это послание так же, как первое: он никак не мог определить, хочется ему встречи с Ирис или нет. И все же он часто склонялся к мысли, что неплохо бы увидеться с ней. Он воображал, что она вернулась в Париж потому, что не добилась успеха *там*. Самовлюбленный мужчина, наверно, радовался бы тому, что она потерпела крушение после разрыва с ним. Но это был не его случай, он таких чувств не испытывал. Этьен желал добра этой женщине, он всегда желал и будет желать ей добра. За истекшие годы ему наконец стали понятны причины ее бегства. И теперь он хотел только одного: пускай она будет счастлива, пускай найдет где-нибудь то, что так неустанно, почти одержимо искала, – душевный покой.

И снова Этьен решил было не отвечать, но тут накануне вечером у них в доме произошло одно событие. Глупое событие, нелепое и пустячное, однако его последствия оказались роковыми. Этьен поссорился с Матильдой, как это нередко бывает с любой парой, когда люди раздражаются из-за какой-нибудь ерунды, буквально на пустом месте. Это может

быть плохо понятым сообщением, неверно истолкованным словом или просто неудачно поставленной запятой, искажившей тон фразы. Да, именно этой запятой предстояло изменить многие судьбы.

Наутро Этьен покинул квартиру, еще не остыв после вчерашней размолвки. В таких ситуациях обида, как правило, раздувается до непомерных размеров. Человек говорит себе: хватит с меня, больше не могу! И упивается черной тоской, прекрасно зная, что вечером их ждет счастливое примирение. Вот и эта мелкая ссора не оставляла никаких сомнений в том, что Этьен любил Матильду. Но именно из-за такого пустячного недоразумения он совершил капитальную глупость, сказав себе: «Раз так, я отвечу Ирис».

Что он и сделал.

Этьен ничего не сказал Матильде об этом обеде; он чувствовал себя вполне счастливым оттого, что решился на встречу с Ирис, полностью освободившись от демонов прошлого. Однако внезапно с ним произошло нечто труднообъяснимое, нечто похожее на озарение, и озарение страшное. В тот миг, как он увидел Ирис, он понял, что никогда не переставал ее любить, и это повергло его в полное отчаяние. Прервав встречу, он чуть ли не бегом покинул ресторан и поклялся себе никогда больше не видеться с ней. А позже, вечером, еще не опомнившись, бессвязно пожаловался Матильде, что новый начальник предъявляет ему какие-то несусветные требования.

Ирис тоже никак не могла отделаться от воспоминаний об этой встрече. Она пришла в ресторан первой. Когда Этьен вошел, он даже не стал искать ее глазами, а мгновенно, с порога, засек столик, за которым она сидела. Оба на миг замялись, не зная, как им теперь поздороваться, и наконец чмокнули друг друга в щеку. Разговор начался с нескольких банальных фраз:

– Ты совсем не изменился.

– Ты тоже.

– А ведь целых пять лет прошло.

– Да, немало.

– Нет, считай, что ничего. Мне кажется, я тебя только вчера видела.

– И мне то же самое.

Всего несколько скупых реплик – и беседа уже приняла интимный оборот. Ирис, как и Этьен, сразу поняла, что они коснулись самого заветного.

Почти не глядя в меню, они сделали заказ. Но уже через минуту Этьен признался:

– Я не могу есть.

– Я тоже.

– Я живу с одной женщиной, уже пять лет, – внезапно сказал он.

– Знаю.

– И я счастлив.

– Я тебе только этого и желаю.

– ...

Этьен ничего не ответил. Но именно за эту безмолвную секунду он решил встать и уйти. Он пристально посмотрел в глаза Ирис, и это означало: «Я не могу». Или как в «Опасных связях»¹⁰: «Это выше моих сил». Да, это было выше его сил. Но все-таки он еще одно мгновение постоял, глядя на нее¹¹. Она снова ураганом ворвалась в его жизнь.

¹⁰ «Опасные связи» (1782) – роман в письмах, единственное крупное произведение французского генерала, изобретателя и писателя Шодерло де Лакло (1741–1803).

¹¹ *В данном случае это мгновение тянулось как вечность.*

Последующие дни протекали в тягостном унынии. Большую часть времени Этьену удавалось кое-как скрывать грызущую его боль. Никто не подозревал, как тяжело у него на душе, что творится в его внутренней жизни, где Ирис опять властно заняла главное место. Ее тоже неодолимо тянуло к Этьену, но она не хотела навязываться. Однако ясно сознавала, что по-прежнему любит его – может быть, даже больше, чем пять лет назад, – любит так сильно, что не станет вмешиваться в его жизнь, пускай он наслаждается нынешним счастьем, коль скоро сделал свой выбор. А она не совершит ничего, что может омрачить его существование. Как она жалела теперь о своем отъезде! И все же временами думала, что если их роман когда-нибудь возобновится, то на сей раз у него будет надежная основа: жизнь многому ее научила, да и Этьен возмужал.

В результате через месяц они встретились снова; на сей раз инициатива принадлежала Этьену. «Надеюсь, сегодня ты останешься со мной дольше, чем в прошлый раз», – написала она в ответной эсэмэске. Он ответил одной короткой фразой: «Останусь на всю жизнь». И, отправив ей это послание, тут же его стер. Они решили ни в коем случае не садиться при встрече. Лучше всего разговаривать на ходу. Вот так они шли вдоль Сены. Небосвод был идеально-серого цвета. Ирис

описывала свою жизнь в Сиднее – откровенно, не стараясь ее приукрасить. Она инстинктивно чувствовала, что, если им суждено опять сойтись, Этьен должен знать о ней все. И рассказала ему, что два года была замужем за австралийцем. Этьен не верил своим ушам: он всегда считал, что Ирис не признает брака. Эта новость поразила его в самое сердце, как удар кинжала. Неужели она смогла полюбить кого-то так сильно, что согласилась на замужество?! Ему было невыносимо сознавать это. А главное, у него не осталось больше никаких сомнений на свой счет; все, что он сейчас чувствовал, свидетельствовало лишь об одном: его любовь к Ирис вспыхнула с новой силой. А та продолжала рассказывать: вспомнив о своих бретонских корнях, она открыла маленькую блинную в рабочем квартале, и дела пошли очень успешно. Им с мужем пришлось работать без устали; по правде говоря, в будни они виделись довольно редко. И только на уик-энд иногда уезжали за город. Спали под открытым небом и уверяли друг друга, что все у них превосходно. Но такие моменты бывали редки, а каждодневная рутина становилась все более угнетающей. Довольно скоро Ирис начала спрашивать себя, что она делает здесь, вдали от родины? Она тосковала по Франции, стремилась к ней всем своим существом. Не пропускала ни одного французского туриста, встреченного на улице, смотрела дурацкие передачи на «TV5 Monde»¹²,

¹² «TV5 Monde» – ведущая мировая развлекательная телевизионная сеть, вещающая на французском.

лишь бы услышать родной язык. Теперь Франция казалась далекой, такой безнадежно далекой, что иногда ее одолевали сомнения: да существует ли эта страна вообще где-нибудь на земле?

Муж Ирис уже догадывался, что ее мучит. Поженившись, они сообща решили вскоре завести детей. И он стал надеяться, что она забеременеет. Это была самая надежная гарантия того, что жена останется с ним. И то, чего они желали, случилось. В течение нескольких дней она была безмерно счастлива. Он повел ее в дорогой ресторан, чтобы отпраздновать это событие, и там, за столом, они начали придумывать имя для ребенка. Словом, все обретало конкретные очертания.

Ирис понадобилось еще несколько дней, чтобы осознать печальную истину: это счастье означало бесповоротное укоренение в Австралии. И ее внезапное прозрение поставило под вопрос радость материнства, а в конечном счете вылилось в чувство гадливости¹³. Теперь она считала ребенка, которого носила, врагом своего собственного будущего. И, не поговорив с мужем, в полной уверенности, что он попытается ее разубедить, обратилась в клинику с намерением сделать аборт. Перед операцией ее несколько раз спросили, уверена ли она в своем решении. Ирис пришла в растерянность:

¹³ У Этьена мелькнула мысль: «Таков уж характер Ирис: она сеет вокруг себя счастье, а потом бежит от него из страха, что оно увянет на ее глазах».

впервые перед ней встал выбор между двумя возможными судьбами. И все-таки она подтвердила свое намерение, что не помешало ей выйти из клиники в полном отчаянии. До самой ночи она блуждала по Сиднею, почти не узнавая город, не отвечая на непрерывные звонки мужа. В конце концов она вернулась домой и призналась ему в содеянном. Он остолбенел, не в силах поверить и двинуться с места. Потом пролепетал: «Не может быть... не может быть... не может быть!», трижды повторив эти слова, как заклинание, способное изменить жестокую правду; увы, ее ничто уже не могло изменить. Он еще с минуту помедлил, пытаясь понять жену, которая внезапно стала ему чужой.

Но она молчала. Да и о чем говорить? Беспощадный факт был налицо. И его обуяло безумие, он вдребезги разнес всю мебель в гостиной. Вот этой сценой разгромленной квартиры и закончилась австралийская жизнь Ирис.

Она рассказывала спокойно, без всякого надрыва; ей казалось, что все пережитое укладывается в рамки ее изначальной судьбы.

Нужно было пройти эти этапы жизненного пути, чтобы понять себя, обрести согласие с самой собой.

– Порой было нелегко, – сказала она, – зато теперь я окончательно убедилась в том, что мое место здесь.

– Тем лучше.

– С тех пор как я вернулась, у меня все идет прекрасно. Я

нашла работу в одном кулинарном журнале, и она мне ужасно нравится. Его скоро начнут показывать на «Web TV»¹⁴, и мне уже обещано место главного редактора. Потрясающе, правда?

– Да, я очень рад за тебя.

– И, кроме того, я снова встретила с тобой.

– ...

– Ты опять молчишь. Это недобрый знак, я ведь тебя знаю.

Это означает, что ты сейчас уйдешь.

– ...

Этьен взглянул на нее... и внезапно обнял.

¹⁴ «WEB TV» – цифровое интерактивное телевидение нового поколения.

У него голова шла кругом. Это было потрясающе – снова обнять, снова прижать к себе ее тело, такое знакомое, так страстно любимое прежде. Однажды Этьен, не зная, как объяснить Матильде свое смятение, пробормотал: «Мне что-то не по себе *в настоящий момент*». И ему впрямь было не по себе: он предвидел, сколько страданий причинит ей, – эта мысль неотступно мучила его. Но с другой стороны, он никогда еще не чувствовал себя таким счастливым *в настоящий момент*.

Матильда могла стерпеть все, что угодно, но не это. Она смирилась бы с появлением новой женщины или мужчины или с желанием одиночества, да с чем угодно, только не с Ирис. Это было невыносимо. Ей хотелось умереть. И впервые эта мысль обрела конкретные очертания. Главное, составить план и осуществить его. Выброситься из окна, наглотаться таблеток, повеситься на шарфе... Матильда терялась в мрачном лабиринте возможностей. И чем больше думала, тем яснее понимала, что у нее не хватит мужества покончить с собой. Ей предстояло жить с этой непомерной тяжестью на сердце.

На следующее утро она позвонила директору лицея и сказала, что заболела. Господин Бертъе был крайне удивлен: по его мнению, Матильда относилась к той редчайшей категории человеческих существ, которые никогда не болеют. Или же проводят занятия даже с температурой сорок. И он невольно подумал: «Видимо, случилось что-то серьезное».

С тех пор как Этьен бросил Матильду, она упорно избегала разговоров на эту тему и утверждала, что у нее все хорошо. Агата знала, что сестре свойственно держать в себе и горести, и даже радости. Матильда была стеснительной и скрытной до предела и терпеть не могла докучать посторонним своими переживаниями. Агата поняла, что придется навязать сестре свою помощь, – сама она никогда не сделает первый шаг. Было ясно, что с Матильдой творится что-то неладное. Накануне она не ответила ни на одну из ее эсэмэсок, а это совсем на нее не похоже. Агата позвонила в лицей, и там сообщили, что ее сестра заболела. Тогда она решила отправиться к Матильде домой; она пожертвовала обеденным перерывом, хотя безумно устала после бессонной ночи, когда ей то и дело приходилось вставать и убаюкивать плакавшую дочку.

Матильда не сразу открыла дверь. Ей хотелось побыть одной. Хотя бы один день. Оставьте вы меня в покое! – думала она. Она была уверена, что это Агата, – напрасно она не ответила на эсэмэску сестры и не успокоила ее. Вот идиотка! И ведь знала, к чему это приведет, – она и сама действовала бы точно так же, если бы Агата перестала отвечать ей на письма. В конечном счете она дотащилась до двери и открыла.

Агата вошла молча и даже не прокомментировала беспорядок в квартире – настоящий кавардак, совершенно несвойственный Матильде, которая обожала уборку и всегда говорила, что ей не по себе, когда в доме царит хаос. Агата, все так же молча, отправилась на кухню, чтобы приготовить чай.

Через несколько минут она вернулась в гостиную и увидела, что Матильда лежит на диване в полной прострации. Подойдя, она легонько погладила ее по спине, словно говорила: «Я здесь, с тобой. Ты же знаешь, что я с тобой».

А Матильде хотелось остаться одной. Каждый человек выбирает свой путь к утешению, свой способ прогнать боль. Но, ощутив доброжелательность сестры, она поняла, что нечего и надеяться на собственные силы, – в одиночку с этой бедой не справиться. Ей была необходима любовь близких людей, только они могли помочь перенести терзавшее ее отчаяние. И Матильда начала рассказывать... Ирис... Возвращение Ирис... Которое стало ее смертным приговором. Гибелью любви. Агата не знала, как ей реагировать. Да и что тут скажешь? Хулить другую женщину, называть Этьена сумасшедшим – что толку?! Все и так было ясно и безнадежно. Оставалось только смириться с ситуацией. Принять ее как данность. Без единого слова. Просто принять. Наконец Агата сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.